

Элла Задорожнюк

**Социал-демократия центральной Европы:
достижения и приоритеты на рубеже XX-XXI вв.**

История партий социал-демократической ориентации в Центральной Европе конца 80-х – 90-х годов характеризуется их мгновенным возрождением и обретением доминирующего положения в политической структуре одних стран или статуса мощнейшей оппозиции других – с последующим чередованием. Нет ни одной из 12 стран данного региона – пояса государств между Балтикой и Адриатикой, имеющих общее «социалистическое» прошлое, где бы эти партии не приходили к власти, выставляя «своего» президента или формируя правительство по результатам парламентских выборов, но нет также ни одной, где бы они из власти не уходили (последней явилась Союзная республика Югославия, где «социалист» С. Милошевич в результате бомбардировок 1999 года и политических комбинаций 2000 года наконец-то оставил пост президента, а в 2001 году попал на скамью подсудимых в Гааге). В начале 2000-х гг. это положение укрепилось, и есть все основания говорить о сформировавшейся в рамках региона разновидности социал-демократического движения со своими особенностями и перспективами – центральноевропейской.

Сравнительно-типологический анализ программ и деятельности этих партий позволяет выделить среди них три группы, а точнее три их типа, если учесть, что они нередко блокируются в довольно неожиданных комбинациях.

1) **Аутентичные** (подлинные), классические, или исторические партии, ведущие свою родословную с XIX в.; часть их приверженцев с конца 40-х гг. XX столетия оказалась в эмиграции, другая как бы законспирировалась, сохраняясь в виде группировок в правящих партиях и других

организациях; данный тип партий существует практически в каждой из стран региона. Образцом наиболее весомой политической силы является Чешская (до 1993 года – Чехословацкая) социал-демократическая партия (ЧСДП), добившаяся в 1998 году наибольшего числа мест в парламенте и вошедшая в продуктивно действующий в течение длительного времени союз с правоцентристской Гражданской демократической партией (ГДП).

2) **Реформированные**, бывшие правящие коммунистические партии, объявившие себя «социал-демократическими», «социалистическими»; они приходили и уходили из власти в большинстве стран региона; осенью 2001 года эти партии добились победы в Польше и Болгарии.

3) **Вновь возникшие** партии, по той или иной причине назвавшие себя социал-демократическими, поскольку ныне соответствующие идеи предстают достаточно авторитетными, а в чем-то даже модными. Они также имеются практически в каждой из рассматриваемых стран Центральной Европы.

Несмотря на различия в статусе, численности, политическом весе, их позиции по многим параметрам характеризуются определенным сходством. В целом же они – неотъемлемая составная часть политического спектра в каждой стране региона.

К концу 90-х гг. социал-демократические и социалистические партии в ряде рассматриваемых стран потерпели поражение на выборах, однако оно не сопровождалось чрезмерными фанфарами во славу победивших их противников. Политический процесс к началу нового столетия вошел – или входит (в странах – республиках бывшей Югославии) – в регионе в общецивилизационные рамки. Ни избирателями на местах, ни международным сообществом уже не ставятся завышенные «оценки за смелость» партиям различных ориентаций, бросившим вызов «коммунистическому прошлому», «социалистическому лагерю» и т. д., и т. п. По ряду параметров партии несоциалистической ориентации показали гораздо большую склонность к коррупции и манипуляциям, не всегда справлялись с социально-экономическими проблемами, нередко даже усугубляя их. Парламентские выборы в Польше в сентябре 2001 года и президентские в Румынии в декабре 2000 года и в Болгарии в ноябре 2001 года лишним раз подтвердили это.

В то же время социал-демократы и первого, и даже второго призывов не в полной мере решили поставленные задачи и в силу объективных трудностей, и из-за субъективных ошибок их лидеров. Возникает необходимость не столько идеологического, сколько широкого историко-политологического анализа механизма принятия ими и их оппонентами ключевых решений, процесса их осуществления и результатов. В очередной раз продемонстрированное расхождение программных установок и идеологических лозунгов партий любой ориентации и их политического курса, декларированных стремлений к реформам и конкретных форм хозяйственной активности, многообещающих лозунгов социальной политики и их реального осуществления требует объективного и беспристрастного рассмотрения алгоритмов смены власти в Центральной Европе.

Политические силы свергают власть, а народ их поддерживает в том случае, если не решаются проблемы в первую очередь экономического порядка. Одновременно электорат или представляющие его партии «учат» политических лидеров придерживаться не только правил «высокой» игры, но и соблюдению стандартов рутинной работы, обеспечивающих благосостояние народа. В этом плане Центральная Европа наших дней в чем-то похожа на Францию 30-х гг. и Италию 50-60-х, где правительства менялись с калейдоскопической быстротой, но революций так и не произошло.

«Учится» и избиратель, который с большей тщательностью отбирает своих представителей в законодательные собрания и президентов. Это проявляется, с одной стороны, в снижении активности электората во время выборов (на парламентских выборах в Польше и втором туре президентских в Болгарии 2001 года это одинаковое число – 46%), а с другой – в усиливающемся его контроле за правительственными коалициями и оппозицией. В связи с этим важный вопрос, который ставится на повестку дня ситуацией отставок в указанных странах, таков: является ли досрочный уход с властных позиций прерогативой лишь партий социалистических и социал-демократических ориентаций?

Ответ на него может быть скорее отрицательным. Эти отставки, а также готовность вернуться во власть через демократическую процедуру выборов свидетельствуют о приближении образцов политической жизни большинства стран Центральной Европы, включая способы проявления актив-

ности социал-демократических партий, к западноевропейским стандартам и на региональном уровне.

Поэтому **различия** в политических позициях партий социал-демократической ориентации не исключают **общности их идеологического вектора**. Именно в этом плане вырисовывается перспектива некоторой единой политической линии в русле социал-демократии, более мощной по своему потенциалу по сравнению с линией партий либеральной, консервативной, христианско-демократической или националистической ориентаций. Следовательно, несмотря на распыленность и организационную неоднородность выявленных нами трех типов партий, есть все основания говорить о **тенденции становления регионального центральноевропейского варианта социал-демократии**.

Политическая ситуация в регионе в целом характеризуется к началу нового века тем, что партии социал-демократической ориентации здесь не делают триумфа от прихода к власти и трагедии по поводу ухода из нее. В нашем исследовании эта тенденция названа **благотворной рутинизацией политического процесса**.

Таким образом, Центральная Европа, в первую очередь ее северный субрегион – страны Вышеградской группы – представляет собой тот полигон, где социал-демократическая идея и политика обретают новые формы и второе дыхание.

Этот опыт интересен и для политических сил России самой различной ориентации, все чаще обращающих внимание на потенциал социал-демократической идеи и действенность ее политической линии. Его анализ поможет найти ответ и на сакраментальный вопрос современной политической жизни России: способны ли коммунисты превратиться в партию социал-демократического типа, как это произошло в странах близлежащего региона Центральной Европы? Но если этот вопрос не получит своего решения в России, может быть, даже завтра – в центральноевропейском регионе он проясняется уже сегодня. Партии в Венгрии и в Польше сдали экзамен на политическую зрелость, а социал-демократы в Болгарии и Румынии – не говоря уже о республиках бывшей Югославии – встретились с такими проблемами, которые время от времени меняющие их политические силы вряд ли могут решить более удачно.

Если взять в качестве одной из ключевых проблему «приобщения к Европе» (хотя Центральная Европа не в

меньшей степени является собственно Европой, чем Западная, равно как и Европа Восточная, в первую очередь Россия), то, будучи социал-демократическим, регион может решить эту задачу успешнее. Ведь «виновниками» воспроизведения идеи единения Западной Европы, преодоления традиций вражды, корни которых обнаруживаются едва ли не в тысячелетней давности, являются именно социал-демократы (достаточно вспомнить К. Каутского). В конце XIX в. Срединная Европа породила идею австромарксизма, призванную оказать цивилизующее воздействие на разнородные конфликты того времени. Сейчас в этом же регионе, именуемом Центральной Европой, формируется подобное, богатое креативными мыслями и подходами социал-демократическое течение. Его релевантность уже подтвердилась, а в XXI в. оно может стать ключевым в плане определения перспектив развития центральноевропейского региона – и не только его.

Партии социал-демократической ориентации в регионе выступают за сочетаемость устойчивого рыночного хозяйства и сильной социальной политики, за стабильность государственных институтов. Все это «небескорыстно». Дело в том, что при укреплении этих основ социально-политической жизни в рамках региона им будет сравнительно нетрудно расставаться с властью. Ибо это – не навсегда.

Процесс стигматизации социалистической идеи в Центральной Европе закончился. Она является «равноправной» с другими идеями – национальной, либеральной, христианско-демократической, консервативной и т. п., а ее носители – партии социал-демократической ориентации – выступают в качестве одного из ключевых элементов политической системы.

Таким образом, социал-демократическая идея в центральноевропейском оформлении показала себя способной обеспечивать переход к демократическому обществу и за счет своих побед, и – что более важно – несмотря на свои поражения. Поэтому этот региональный вариант привлекает внимание социал-демократии в остальном мире.

Нужно сказать, что Социнтерн, «просмотрев» формирование этого мощнейшего витка инициатив, в настоящее время ведет смелую и опережающую политику поддержки партий социал-демократической ориентации, зачастую игнорируя даже их «темное прошлое». 23–24 ноября 1998 года в Женеве состоялось заседание Совета Социнтерна, где подчеркивалась

необходимость более активного вовлечения социал-демократов в разрешение кризиса в Косово. На нем был создан Комитет Социнтерна по делам Центральной и Восточной Европы и начались его регулярные заседания. Особо подчеркивалась необходимость усиления регионального сотрудничества в рамках таких организаций, как Центральноевропейская инициатива, Юго-Восточная инициатива по сотрудничеству, Черноморский совет сотрудничества (*Central European Initiative, Southern Eastern Cooperation Initiative, Black Sea Cooperation Council*). Весьма примечательно, что шестое заседание Комитета состоялось 17-18 сентября в Белграде, и именно на нем были осуждены акты терроризма против США. При этом приветствовалось продвижение Союзной республики Югославии по пути демократии, равно как и то, что «социалист» Милошевич предстал перед Гагским трибуналом (правда, не было сказано, что ни США, ни другие страны Милошевич, в отличие от Бен Ладена, не бомбил, а вот о бомбардировках силами НАТО Белграда не упоминалось...).

Более того, приняв в свои ряды практически все партии социал-демократической ориентации, Социнтерн активизирует свои усилия по привлечению в них российских социал-демократов. Так, с осени 2001 года он активно содействовал созданию оптимальной модели Российской объединенной социал-демократической партии, которая должна заявить о себе как мощная политическая сила на выборах 2003 года. Один из ее учредителей экс-президент СССР М. С. Горбачев считает работу в данном направлении политической миссией, сравнимой с выбором 1985 года.¹ Что касается Западной Европы, то к началу нового тысячелетия в 13 из 15 стран-членов Европейского Союза у власти находились социалисты или социал-демократы. Правда, в цитадели социал-демократии – странах Скандинавии – в сентябре 2001 года парламентское большинство потеряли социал-демократы Норвегии, а в ноябре – Дании.

Современное состояние социал-демократии в Центральной Европе определяется тем, что репрезентирующие ее партии с трудом находят основные цели своей социальной активности, поэтому контакты между ними затруднены. Сложилась ситуация, когда они призваны осуществлять «социально чуждые» себе цели. Такие, как подъем экономики за счет ущемления интересов рабочего класса, использование потенциала

¹ Общая газета. – 2001. – № 39.

национальной идеи (хотя и в умеренных формах по сравнению с консерваторами) за счет установок интернационализма, устремленность к военным союзам односторонней направленности (НАТО), порождающая новые внешнеполитические проблемы.

В то же время все указанные цели, осуществившись они мгновенно, отбросили бы социал-демократов на обочину политической жизни. Ибо рабочий в Западной Европе социально защищен на порядок выше, чем в Центральной Европе. Национальная идея тоже не имеет приоритетного характера в странах Западной Европы, о чем свидетельствует опыт (хотя и небеспроблемный) Маастрихта; НАТО же становится слишком дорогим и неэффективным, слишком «проамериканским», даже в нынешнем его виде.

Социал-демократическая идея и способы ее воплощения в политическую практику (без ценностного отношения к ней) являются одной из скреп региональной идентичности, что и признается в первую очередь Социнтерном. Данная скрепа по-разному демонстрирует свою силу – да и социал-демократическая идея проявляется в самых различных формах. Важнее другое: социал-демократия в странах региона не исчезла в очередной раз, а приняла новый облик, соответствующий запросам времени. Как известно, ее суть – стимулирование развития производства на рыночных основах с учетом фактора ограниченного государственного регулирования и активная социальная политика (по отношению к нетрудоспособным, обездоленным и безработным). Такое сочетание все в большей мере превращается в общецивилизационный императив, и громогласная политика консерваторов, поддерживаемая установками «неоклассиков», «монетаристов» и т. д., не отменяет того факта, что на основы социального законодательства они так и не посягнули².

² В этом плане историю социал-демократии в регионе нужно перечитывать заново, и тезис о ее «непредсказуемом прошлом» не выглядит таким уж парадоксом. Другое дело, что документальная база о роли социал-демократических лидеров, об их месте в рядах коммунистических партий стран региона практически отсутствует. Но ясно одно: их так и не удавалось уничтожить как скрытую политическую силу до 1953 г., несмотря на ряд политических процессов в странах региона, или же «приручить» в полной мере после. Из истории большевизма известно, сколь яростной была борьба с «социал-демократическими уклонами» в СССР. В странах же региона яростнее боролись с другими «уклонистами» в союзе с «прирученными» социал-демократами, но этот союз был насильственным и потому непрочным.

На данном фоне попытки центральноевропейских апологетов «тэтчеризма» оказались одновременно логически более последовательными, а потому и менее успешными. Их же оппонентам – социалистическим и социал-демократическим партиям – предстояли куда более трудные задачи. По возвращении во властные структуры они обречены были продолжать курс, расхолодившийся с их идеологическими установками, а в чем-то усугублять его. Поэтому они и выглядели большими прагматиками, хотя допускали не меньше практических ошибок, чем их оппоненты. При этом в каждой из стран ситуация обладала своей спецификой, но существовало и нечто общее.

Поэтому столь важен историко-политологический анализ итогов избирательных кампаний самого различного уровня. Необходимо также сочетание страноведческого и регионального подходов с учетом самых разнообразных факторов детерминации социального развития. В этом плане можно говорить о таком региональном идеологическом феномене, как «центральноевропейская социал-демократия», в чем-то равнозначном «скандинавской» и «южноевропейской» социал-демократии (для Франции, Англии и Германии характерны при этом свои национальные модели).

Эта модель, как представляется, присуща 12 странам региона «Центральная Европа». В настоящее время их неоднородность бросается в глаза, особенно на фоне сопоставления «спокойной» Польши (где ни победа социалистов на парламентских и президентских выборах, ни их поражение осенью 1997 году, ни их полномасштабный возврат во власть в 2001 года социальных катаклизмов не вызвали) и «бурного» южного субрегиона, в частности бывшей Югославии (которая, как считалось в недалеком прошлом, в наибольшей мере приблизилась к стандартам «благополучного» Запада).

Не следует забывать, что социальные бури бушевали с конца 80-х гг. во всех странах региона, и мало оснований предполагать, что они в обозримом будущем прекратятся. Но это не отменяет того очевидного факта, что партии и силы социал-демократической ориентации не только устояли в них, но и во многом укрепились. И в XXI в. они останутся одной из опор стабилизации политической жизни и каждой страны, и региона, и Европы в целом.

Возрождение социал-демократии в странах Центральной Европы во многом предстало как возрождение надежд на это

общеевропейское движение левого толка в целом. Ведь в самом начале 90-х гг. казалось, что все силы левой ориентации обречены или на вытеснение, или на медленное самоугасание – и уж во всяком случае не могут претендовать на статус уважаемой политической силы. Ситуация изменилась довольно скоро и бывшие едва ли не на третьих ролях политические силы левой ориентации оказались у власти в ряде стран, завоевав ее на парламентских выборах, аттестуя себя как именно социал-демократов. Аутентичные же социал-демократические партии вынуждены были или становиться в оппозицию, часто с оттенком скандала (как в Венгрии), или же блокироваться с правящими партиями (как в Польше). Стабильно развивалась, постепенно занимая все более прочные позиции, лишь чешская социал-демократия, ей не пришлось ни брать займы наименования, ни пройти искуса властью.

Коалиции оппонентов социал-демократов носят не менее искусственный характер, и особенности электоральной системы тоже эксплуатируются ими в полной мере. Особенно это характерно для Румынии, где П. Роман – своеобразный «тройной конь» социал-демократизма – не раз уже играл ключевую роль в формировании антисоциалистического правительства, оставляя за собой свободу маневра и «в пользу социализма».

Характерно, что в конце 1997 года в Болгарии на выборы пришло мало избирателей, поскольку, «рассердившись» на социалистов, они не доверяли и демократам. Зеркально ситуация повторилась на президентских выборах 2001 года: избирателей пришло меньше половины, но воля их выразилась достаточно четко. В Польше социал-демократы набрали в 1997 году больше голосов, чем в 1993 году, а сверхидеологизированные шаги нового правительства как раз и предпринимались для того, чтобы удержать коалицию, которая не столь единогласно принимает решения по конкретным делам. По результатам же выборов 2001 года Союз демократических левых совместно с Партией труда добился арифметического большинства в 460-местном Сейме, получив от 231 до 233 мест, и сумел создать правительство, в котором обладал 11 министерскими креслами (одно досталось представителю Партии труда, 2 – Польской крестьянской партии, вошедшей в коалицию с социал-демократами).

Боле того, сложилась парадоксальная ситуация: социалистам по многим позициям приходится быть куда более «осторожными» демократами, потому что им постоянно ставится в упрек их «коммунистическое прошлое», причем законы о люстрациих были направлены на то, чтобы привязать их политиков к такому «прошлому». Их же противникам (например, в Польше) многое как бы «сходит с рук». Переизбранный в 1997 году председателем Социал-демократии Республики Польша Ю. Олексы предстал «без вины виноватым», в то время как Л. Валенсе операции миллионными суммами в качестве «борца с коммунизмом» не замечались. Тем самым демократический процесс, одна из сторон которого – открытость мировому общественному мнению, смягчал многие обвинения и нападки на социалистов, но не давал спуску носителям противоположных идеалов, если те оказывались замеченными в неблагоприятных делах³.

Второй, а затем и третий приход социалистов к власти часто объясняется и как реакция на неспособность их оппонентов справиться с проблемами, порожденными переходом от плановой экономики к рыночной. Это справедливое наблюдение, но названные проблемы столь «неподъемны» и приемы их решения столь инвариантны, что социалисты еще до прихода к власти готовились скорее к «оборонительным боям» на данном направлении. Поэтому во многих отношениях им приходится проводить жесткую социальную политику, не рассчитывая с самого начала на успех и признание малосостоятельной части электората.

В целом опыт политической жизни в регионе показывает, что издержки переходного периода распределяются относительно равномерно между всеми партиями, исключая экстремистские, за которыми избиратель не идет. Эти издержки в ряде стран (например, республиках бывшей Югославии) столь велики, что ставят под угрозу выживание новых государственных образований и являются источником нестабильности в регионе.

³ Характерно, что в 1981 г. Л. Валенса придерживался идеи «социалистического самоуправления» и даже говорил о ней на Западе (выступление в Париже 20 октября 1981 г.); а об опасности «возрождения духа капитализма» предупреждали кардинал Вышински и Кароль Войтыла. Будучи Папой, он говорил в 1988 г.: «Капитализм не должен служить образцом для стран Восточной Европы после падения там коммунистических режимов» (См.: Независимая газета – 2001. - 14 декабря).

Последняя ремарка в оценках Социнтерном процесса расширения НАТО отнюдь не случайна. Практически во всех документах Социнтерна 90-х гг. развитие событий на посткоммунистическом пространстве тесно увязано с происходящим в России и других государствах СНГ. В целом же, отметил XX конгресс, «будущее и облик Европы в ближайшие годы будут в значительной мере зависеть от того, что происходит в этом громадном регионе, простирающемся от равнин Польши до Сибири, от Балкан до Кавказа»⁴. Встречное движение Социнтерна и партий социал-демократической ориентации в обоих регионах – наиболее интересный момент в истории социал-демократического движения в конце XX в.: им открывается новая его перспектива.

Фактически социал-демократия в Центральной Европе явилась на пороге XXI в. резервуаром многочисленных инициатив для социал-демократии в целом. Ее способность решать проблемы восстановления (и установления) рыночной экономики в сочетании с активной социальной политикой обнаружилась в условиях, близких к экстремальным. В то же время социал-демократы проявляют политическую и социальную зрелость, приемлемую для электората, оправившись от шока отвержения социалистической идеи. Все эти положения просматриваются и на материалах странового анализа. Он показывает: сложнейшая проблема современного социал-демократического движения – отношение к бывшим коммунистическим партиям, заявившим о своем разрыве с прошлым или же такой разрыв реально осуществляющим. Социнтерн сделал решающий шаг в данном направлении, приняв в свои ряды две реформированные коммунистические партии – итальянскую и венгерскую. Может быть, это встречное движение и знаменует прекращение исторического разрыва между коммунистами и социал-демократами? Пока подобный вопрос звучит не только как риторический.

В целом бывшие компартии удерживали свои позиции с большим успехом, а аутентичные социал-демократические партии укрепляли свои с меньшим, чем ожидалось в первые годы трансформации. Очевидно и другое: существовавший многие десятилетия барьер между коммунистами и социал-демократами перестал быть заметным: «Все теперь выражают уважение парламентской демократии, правлению

⁴ Швейцер В. *Социалистический Интернационал в современном мире* // Мировая экономика и международные отношения 1997. – № 6. – С. 37.

закона и рынку. И как мы должны судить тех или других в сложившихся обстоятельствах?» – отмечалось в книге о социал-демократии⁵.

Общественное сознание в России игнорирует многие стороны деятельности социал-демократии в рассматриваемом регионе. Зеркально повторяется ситуация, когда на эти изменения не обратил внимания поначалу и Социнтерн.

Часто «очаровываясь» капитализмом с «человеческим лицом» в Западной Европе и США, не задумываются всерьез, что это за лицо и действительно ли оно «капиталистическое»? А неприятие социализма и его ценностей нередко сводится к отрицанию любого типа устройства общества, если оно не исходит из «естественных» (т.е. присущих капитализму) законов.

Важно, чтобы отрицание социализма, которого не было, во имя капитализма, которого, по всей вероятности, не будет, не искажало видения реальных перспектив развития Центральной Европы, которая не походит ни на Западную Европу, ни на Европу внутри границ бывшего СССР. И чем более открыта эта граница по ту и другую стороны, тем определеннее выявляется своеобразие центрально-европейского региона.

Социал-демократическая идея и движение, ее выражающее, находятся сегодня в кризисе, который имеет разные, иногда прямо противоположные по своим проявлениям формы. В целом в Европе и других регионах мира это кризис потерянных надежд: идея общества всеобщего благосостояния и проекты его построения утратили или утрачивают лидерство в умонастроениях людей; явно проступает необходимость сме-

⁵ M. Waller, B. Coppeters, K. Deschouwer (eds.) *Social Democracy in Post-Communist Europe*. Ilford - Portland. 1994. p. 192. На Востоке Европы до государства всеобщего благосостояния расстояния куда дальше, чем на Западе. Важнее другое: будет оно, видимо, совсем иным по своим формам. Но социал-демократы не хотят переходить на маргинальные роли в хвосте либералов-приватизаторов. Их партии призваны защитить интересы трудящихся, а защищать их необходимо независимо от уровня экономического развития. Если социал-демократия Центральной Европы сегодня и слаба, чтобы найти собственную политическую нишу между либералами и традиционалистами, то это не означает, что у нее нет исторических перспектив: «Остается выяснить, до какой степени социал-демократизированные бывшие коммунистические партии – тенденция, перешедшая после 1989 г. исключительно за границы Западной Европы, – смогут преодолеть воздействия, которые оказали на социал-демократов в Европе революционные события 1917 года» (Там же.)

ны политических лидеров социалистической ориентации в одних странах Европы, в других она уже произошла. Но в большинстве государств Западной Европы у власти находятся все же социалисты, а их отход от властных позиций в любой из стран Центральной Европы не следует считать окончательным.

Если говорить о России и сопредельных государствах, то социал-демократическая идея переживает здесь болезнь другого рода – кризис завышенных ожиданий. Особенно ярко это проявляется в России, где в верности социал-демократическим убеждениям клянется политик любой ориентации. Почему это происходит? В значительной степени потому, что для многих людей социализм в прошлом – это нечто иное, чем просто «коммунистическая мафия» или «власть партийных структур». Память о нем в некотором роде определяет облик народа, и это не могут игнорировать политики даже противоположных ориентаций.

Мы ни в коем случае не стремимся представить свой анализ в духе апологии реформировавшихся коммунистов. Более того, можно утверждать (есть тому подтверждения), что они осуществляют более жестко и последовательно политику подчинения Западу; ускоряют свою устремленность в НАТО, ужесточают меры экономического порядка и т. д.

Ответ на многие вопросы о будущем социал-демократической идеи в России – да и в немалой степени на Западе и в других регионах мира – можно искать в анализе ее потенциала в странах Центральной Европы. Именно здесь эта идея наглядно превращается из политики второго ряда в силу, претендующую на лидерство и оттесняющую с ведущих позиций как консервативные партии, так и изменившихся лишь по названию коммунистов.

Практически во всех программах и во многом в политической практике социал-демократических партий региона воспроизводится слишком уж поспешно забытая или узко трактуемая другими партиями идея солидарности. Она манифестируется в разных формах – и через признание необходимости сбалансированной регуляции экономического развития, и через активную политику в сфере занятости, и через большее внимание к различным группам в обществе: к молодежи, женщинам, пожилым гражданам.

Социал-демократы посткоммунистических стран, вполне очевидно, признали недостаточность опоры лишь на частный

интерес. Преимущества «чисто капиталистического пути развития», ориентации только на свободный рынок оцениваются ими как в чем-то иллюзорные. Особым выражением этой позиции является осуждение таких получивших в большей степени печальную известность феноменов, как «шоковая терапия» (в Польше), люстрация и тотальная реституция (в Чехии) и т. п.

За фасадом всех этих процессов социал-демократы региона часто с разочарованием отмечают бесконтрольное распределение собственности, а то и прямое воровство, подрыв национальной экономики и устоев хозяйственной деятельности, рост пауперизации, политиканство, игнорирование культурных основ жизни, хотя вовсе не считают, что их партии в полной мере застрахованы от подобного рода злоупотреблений.

Однако их экономическая политика утверждает необходимость контроля над приватизацией и вмешательства государства в экономическую жизнь. В то же время предлагаемые конкретные меры ориентированы не на отмену механизмов свободного рынка, а, напротив, на более полное обеспечение их эффективного действия. Например, сокращение вложений в образование, казалось бы, способствует более активному движению капиталов. Но его следствие – дефицит высококвалифицированных занятых – чуть позже «мстит» за себя и оказывает тормозящее воздействие на это движение, что и отмечается в рассматриваемых программах.

В сельском хозяйстве социал-демократы считают необходимым поддерживать кооперативный сектор там, где он экономически эффективен, более того, даже признают возможность его расширения. Их оппоненты не уделяли достаточного внимания сельскохозяйственному производству и просто «забыли» деревню, что неблагоприятно сказывалось на национальной экономике в целом.

Акцент на активной социальной политике государства вместо избирательной благотворительности – один из важнейших пунктов программ и деятельности социал-демократии в регионе. Он вызван как потребностями внутреннего развития стран, так и вниманием к образцам социальной регуляции в государствах Западной Европы, где именно социал-демократы «ответственны» и за экономическую стабильность, и за социальное благополучие. Свободный рынок и активная социальная политика не являются взаимоисключающими, под-

черкивается в программах социал-демократических партий, более того, их укрепление – двуединая цель. Такая цель охватывалась понятием «шведская» – и шире «скандинавская» – модель социализма, но ее признаки не менее очевидны в Италии и Франции, Португалии и Голландии, хотя мощные социал-демократические партии в центральноевропейском регионе ориентируются скорее на образцы соседних Австрии и Германии. Однако с недавнего времени практически все эти партии уже перестали возлагать надежды на успешность исключительно «импортирования» или «трансплантации» той или иной модели; они поэтому решают проблемы, опираясь в большей мере на свой опыт.

В сфере внешней политики программы зафиксировали отказ от ориентации только на Запад. Это происходит, во-первых, в силу того, что занавес, перестав быть «железным», все же остался в качестве «каучукового» и в некоторых аспектах, в первую очередь экономическом, столь же трудно проницаемым; во-вторых, в виду все возрастающего понимания неизбежности поворота на Восток, где «рыночные пространства» фактически мало освоены. Такая коррекция для партий региона просматривается довольно четко, но она не отменяет идеи приоритетности вхождения в ЕС.

Все партии поощряют процесс «расширения» НАТО, хотя рядовые граждане относятся к военной интеграции достаточно прохладно. Есть все основания утверждать, что устремленность в Североатлантический союз – это проявление действия своеобразного **компенсаторного механизма**: НАТО представляется сверхжеланной целью тем больше, чем меньшей становится возможность интеграции в других сферах, в первую очередь – экономической. Столь же неясны перспективы отношений с Востоком Европы, где стабилизация пока не наблюдается. И поиск внутрирегионального единства в этой связи – наиболее предпочтительный путь, что все отчетливее обнаруживается в политике именно социал-демократических партий.

Общность целей и программных установок всех партий социал-демократической ориентации в регионе обозначается все четче. В связи с этим можно высказать такое положение: чем ближе партия к власти, тем более кратки и расплывчаты ее программные установки. Здоровый прагматизм и конструктивный эклектизм заменяют широкие идеологические построения.

Анализ программных документов, равно как и хода событий, показывает следующее: **суть курса** социал-демократических партий в Центральной Европе **сводится к сочетанию мер повышения экономической эффективности с активной социальной политикой**. Социал-демократии здесь приходится осуществлять одновременно новые инициативы по оживлению рыночной экономики и устранению ее негативных последствий, в первую очередь безработицы и диспропорций в распределении доходов. Социал-демократы вынуждены быть – в сфере экономики – большими «роялистами» (рыночниками), чем их правоцентристские оппоненты, а в социальной политике – большими поборниками социальной справедливости, чем велеречивые, но безответственные коммунисты.

Эта двуединая цель и является масштабом измерений успешности хозяйственных преобразований и политических стратегий; несмотря на то, что ее осуществление достигается отнюдь не прямолинейно (о чем свидетельствовали результаты выборов конца 90-х гг.). Рассматриваемые партии – и приходящие к власти, и становящиеся оппозиционными – подтверждают значимость, а в чем-то приоритетность именно социал-демократического сценария решения проблем перехода к демократическому обществу в Центральной Европе в целом.

Общий же вывод заключается в том, что политическая жизнь стран центральноевропейского региона (сначала северного субрегиона, а в будущем и южного) входит в общецивилизационное русло и приобретает признаки стабильности, что со временем позволит проводить широкие сравнительно-исторические и политологические исследования уже на уровне не только региональном, но и континента в целом.

Как видно из нашего анализа, его выводы ориентированы не только на оценку тенденции развития социал-демократии в Западной и Центральной Европе, они значимы и для оценки ситуации и в современной России, где разразились подлинные сражения за «идею» социал-демократии, которые, несомненно, будут лишь обостряться в преддверии любых выборов. И об этом надо говорить с сожалением. Не потому, что идея социал-демократии плохая – пример западноевропейцев указывает скорее на обратное. А потому, что это сражение за идею вплоть до конца 2001 года не достигало уровня выра-

ботки конкретных программ и проведения соответствующего им политического курса. Клятвы в верности идее заменяют конкретную политическую работу в области экономики и даже политики, сводят политический процесс к взаимным обвинениям, приверженности тому или отверженности того, что уже давно прошло. Появляются новые «большевики», не привлекающие внимания даже незначительного меньшинства, новые «монархисты», для которых нельзя найти даже образа идеального самодержца и т. д., и т. п. Это в чем-то напоминает ситуацию, зафиксированную историками французской революции, когда споры о грехах и бедах прошлого и партиях, за них ответственных, деформируют видение задач настоящего и будущего, когда обозвать кого-либо «якобинцем» ли, «большевиком» ли сводится всего лишь к ритуальному заклинанию перед тем, как снять с себя ответственность за решение насущных задач⁶.

В заключение отметим, что анализ опыта социал-демократов в Центральной Европе, кроме всего прочего, обнаруживает некоторую, довольно значимую, тенденцию и в политической жизни России. Назовем ее так: поиски способов легитимизации «аутентичной социал-демократической идеи, проекта и политического курса». Важно, чтобы ее изучение не подменялось идеологическими битвами относительно ценностей, значимых скорее для прошлого, а способствовало укреплению основ цивилизованного политического процесса, с наработками которого Россия и вступила в XXI век.

⁶ Как писал А. Олар в книге *Политическая история французской революции* (СПб., 1901), идеи и легенды революции приобрели в течение последующих поколений странное очарование. Внутри самой Франции ее доктринальные политические установки и идеи пронизывали многие различные режимы – роялистские, бонапартистские, республиканские. Вследствие столь такой разнородной лояльности ни один режим после Наполеона не мог добиться поддержки большинства нации. Революционные нетерпимость и порыв так и не удалось устранить полностью – вплоть до войны 1870 - 1871 гг., лишь Парижская Коммуна внесла момент отрезвления. Парадоксально, но данная революционная традиция имела своим следствием неприятие инновации: из-за того, что революционный опыт никогда не забывался, люди неадекватным образом оценивали прошлое и переоценивали новизну и насущные проблемы настоящего. Защитники роялизма, республиканизма, антиклерикализма и бонапартизма продолжали вести те же битвы более чем полстолетия спустя после 1799 г., даже если данные битвы в малой степени затрагивали настоятельные проблемы XIX века – времени промышленного, урбанистического и научного столетия.

Таким образом, уроком более чем 10-летних трансформаций социал-демократической и социалистической идеи в регионе явилось то, что данная идея принципиально неустраима из политического спектра, а ее преобразовавшийся потенциал вызвал по многим направлениям усиление позиций соответствующих партий. Ведь социализм уже не навязывается безальтернативно «старшим братом», не импортируется и т. д. В данной связи опыт партий Центральной Европы является безусловно значимым для социал-демократического и социалистического движения в целом.

Если выделить прогностическую составляющую его «уроков», то она сводится к необходимости: а) четко провозглашать свои цели, даже несмотря на аморфность в плане идеологических установок; б) не столько отвергать своих идеологических и политических противников, сколько искать с ними разные формы и степени компромисса; в) не бояться осуществления радикальных мер при условии их «прозрачности».

Анализ программных документов, равно как и хода событий, показывает следующее: суть курса социал-демократических партий в Центральной Европе сводится к сочетанию мер повышения экономической эффективности с активной социальной политикой. Социал-демократии в указанном регионе приходится осуществлять одновременно новые инициативы по оживлению рыночной экономики и устранению ее негативных последствий, в первую очередь безработицы и диспропорций в распределении доходов. Социал-демократы вынуждены быть – в сфере экономики – большими «роялистами» (рыночниками), чем сам король, а в социальной политике – большими поборниками социальной справедливости, чем по сути безответственные коммунисты ранее.

Эта двуединая цель и является масштабом измерений успешности хозяйственных преобразований и политических стратегий; значимости, а в чем-то приоритетности именно социал-демократического сценария решения проблем перехода к посткоммунистическому обществу в странах Центральной Европы.